

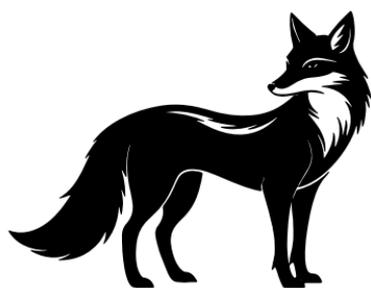
СОФЬЯ  
РОЛДУГИНА



ПРОЕ  
ДЛЯ ОДНОГО



  
ЧЕРНЫМ  
БЕЛО  
МОСКВА



**ЛИСЫ  
ГРАФСТВА РЭНДАЛЛ**

---

**Лисы графства Рэндалл**

**Тимьян и Клевер**

**Трое для одного**

**Забери меня отсюда**

СОФЬЯ  
РОЛДУГИНА



ПРОЕ  
ДЛЯ ОДНОГО



  
ЧЕРНЫМ  
БЕЛО  
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Р67

Иллюстрации на переплете и в макете  
*Anne Svart*

Иллюстрации в блоке  
*Илона Шавлохова*

**Ролдугина, Софья Валерьевна.**

Р67 Трое для одного / Софья Ролдугина. — Москва :  
Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-207980-1

Страшные сказки, зимние сказки оживают по ночам. И никогда не известно, к чему может привести одна случайная встреча и доброе дело.

Морган Майер останавливается у болот, чтобы подобрать странного попутчика. И родной город, знакомый до последней улицы, поворачивается вдруг пугающей стороной, полной хищных теней. Мосты, парки и улицы — после захода солнца везде может поджидать то, что хуже смерти... Но до поры город хранят трое — часовщик, фонащик и проводник.

Они ждут, когда проснётся четвёртый.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ролдугина С., текст, 2025  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-207980-1

*Когда лужи снаружи кроет хрустящая корочка,  
Плотный мрак за окном наполняется белой горечью  
И движения примерзают к железным поручням,  
То из старших ворот появляется часовщик.*

*Когда хрупкое «завтра» на стрелке минутной корчится,  
Перетянутый нерв достигает предела прочности  
И на сорванном выдохе сон выгорает дочиста,  
То Фонарищик безмолвно выходит из средних врат.*

*Когда крошится тонкий лёд от хвостов русалочьих,  
Поезда и сигналы играют друг с другом в салочки  
И химеры с карнизов слетают к проёмам арочным,  
То из младших ворот проводник выступает в ночь.*

\* \* \*

*Если ты их встретишь — не заговаривай.  
Если заговоришь — не называй имени.  
Они кажутся улыбочивыми и ранимыми,  
Но в глазах у них золотое марево.*

*Их слова притягательны и обманчивы.  
Их вино пьянее первой влюблённости.  
Всё выглядит бессмысленным, отвлечённым, но  
Поздней согласие обретает значимость.*

\* \* \*

*Только шаг из холодной комнаты —  
Твоё время навеки замерло.  
Ты сжимаешь ключи от города.*

*Ключник выбран по старым правилам.*





## ГЛАВА I

Морган никогда не брал попутчиков. Ни-ког-да. Но то ли зима была виновата — лютая, какой в округе не видели двадцать лет, то ли безумная луна над болотами, то ли кантри-блюз, что доносился глухо, словно бы не из колонок, а из бардачка... мимо проехать Морган не смог. Чертыхнулся под нос и вырулил к обочине, сбавляя скорость.

— Эй, там! — крикнул он в узкую щель над боковым стеклом. Горло тут же обожгло сырым холодом. — Вас до города не подвезти?

Незнакомец в коричневом пальто с хрустом вывернул голову под немыслимым, совиным углом и замер. Моргану стало слегка не по себе, но вдруг он услышал рассеянный ответ:

— До города? Да... Это было бы неплохо. А... ты не мог бы помочь мне подняться?

Округа просматривалась на добрый десяток миль во все стороны. Если коварные злоумышленники и могли где-то укрыться, то лишь в жидких кустах по краю болота, но в такую морозную ночь никто не протянул бы там и получаса. На всякий случай переложив шокер в карман, Морган щёлкнул центральным замком и вылез из машины. Ноги сразу поехали по обледенелой обочине. Он резко взмахнул руками, сделал несколько неуклюжих шагов и сам не заметил, как очутился аккурат рядом с будущим попутчиком.

— Эм-м... Вы здесь давно? — поинтересовался Морган, чтобы хоть как-то завязать беседу.

Незнакомец уставился на него из-под фетровых полей; глаза по-птичьи отсверкнули желтоватым в темноте.

— Как сказать. Ты как раз вовремя, вот что главное, — и заулыбался.

В этот момент Морган понял, что имеет дело с психом, и смирился: бросить недееспособного человека ему бы в любом случае совесть не позволила.

Незнакомец оказался рослым, но удивительно лёгким. Его можно было бы принять за отощавшего бродягу, если бы не руки — пусть и перепачканные в земле, но холёные, с аккуратными вытянутыми ногтями. Он крепко вцепился в ладонь Моргана и рывком поднялся с земли. При этом что-то металлически звякнуло, а во льду на обочине остался клоч пальто.

Луна злорадно мигнула и нырнула в густое облако.

— В машине есть электроодеяло, если надо согреться. И виски, — скованно предложил Морган. — Мне нельзя, я за рулём.

— Значит, возишь для друзей? — сделал парадоксальный вывод незнакомец. — Какой славный юноша.

После этого Моргану сразу сделалось тревожно, без всяких причин. Так бывает, когда забираешься на незнакомый чердак, сплошь заставленный старьём, и крадёшься в темноте на ощупь, рискуя в любую секунду налететь на что-нибудь острое, грязное или хрупкое... Однако время текло, а ничего катастрофического так и не происходило. Незванный попутчик любезно позволил усадить себя на заднее сиденье и укутать одеялом, да и флягу принял с благодарностью. Пока Морган, стуча зубами от холода, пристёгивался и выкручивал звук радио до минимума, он только любопытно таращился из полумрака. Глаза у него оказались изжелта-карие, а ресницы — белёсые. Губы едва заметно шевелились. Сперва



это напрягало, но затем стало ясно, что он всего лишь беззвучно повторяет слова песни.

— Нравится старая музыка? — спросил Морган.

Автомобиль плавно тронулся.

— Старая? А, да, Джон Хукер... Мне казалось, он не так давно начинал, — вздохнул незнакомец, отхлебнул виски прямо из фляжки и сморщился. — Горько.

— Конечно, горько, выпивка же, — согласился Морган. — Гм... А можно поинтересоваться, как вы добрались сюда? От нас до Сейнт-Джеймса автобусы не ходят.

— На поезде, — невинно улыбнулся незнакомец. — Он прибывает, когда надо, и отправляется точно в срок.

Прозвучало это сущим издевательством. Разумеется, никакие поезда между Сейнт-Джеймсом и Форестом отродясь не курсировали. Да там и вокзалов-то не было...

— А где вы живёте? Если назовёте адрес, я могу подкинуть вас прямо к порогу, — попробовал он зайти с другой стороны.

— Довези меня до Часовой площади. Это было бы в самый раз, — немедленно последовал ответ.

— Как вас зовут? — напрямую спросил Морган. Не вовремя вспомнилось, что с ненормальными лучше общаться спокойным, ласковым тоном и использовать простые фразы. На работе это помогало, но там была на крайний случай охрана и тревожная кнопка для полиции, а попробуй-ка дозовись помощи на пустынной дороге, посреди ночи...

Незнакомец прыснул от смеха, будто подслушал его мысли.

— Чаще всего — часовщиком.

— Я имею в виду имя. — Раздражение всё-таки прорвалось, хотя он искренне пытался держаться благожелательно.

— А как звали твою канарейку? Ту, что ты похоронил в обувной коробке в моём саду за часовой башней?

— Уилки, — машинально ляпнул Морган и спохватился: — Пойдите, откуда вы знаете про...

— Канарейку? Присутствовал на похоронах, — невозмутимо ответил незнакомец, болтая ногами под одеялом. Жёсткое коричневое пальто смешно топорщилось на плечах, словно под ним и впрямь были спрятаны птичьи крылья. — Что ж, пусть будет Уилки. Забавное имечко.

— Я не против называть вас так, — терпеливо согласился Морган, мысленно благодаря Провидение за обширный опыт работы с сумасшедшими посетителями в родной мэрии. Случайный попутчик и раздражал, и вызывал сочувствие одновременно и — самую малость, разумеется, — пугал. А совесть настойчиво требовала узнать его настоящее имя и отвезти к родственникам, к лечащему врачу или от кого там сбежал новоявленный «Уилки». — Но всё-таки не могли бы вы уточнить, куда именно мне вас доставить? Мне, право, совсем не сложно будет...

Чужие пальцы легонько прижались к пульсирующей артерии на шее — сухие, горячие, жёсткие.

— Помолчи, юноша. И просто поезжай, — тихо попросил Уилки и вернулся на своё место наискосок от водителя так же незаметно, как и приблизился.

В голове у Моргана воцарилась звенящая пустота.

Он по-прежнему видел, слышал, чувствовал и осознавал всё: тихий кантри-блюз на хрипящей радиоволне; щиплющий запах выпивки в тёплом воздухе салона; любопытную желтоглазую тень за левым плечом, подпевающую мрачной песенке; выбеленную инеем дорогу в лунном свете; кляксу разноцветных огней Фореста далеко впереди — за стылыми болотами, за облетевшим лесом... Но значение имело только невесомое прикосновение горячих пальцев и просьба: «*Поезжай*».

Это было правильно. Именно так, как полагается.

Через какой-то час старенькая «шерли» наконец-то взобралась на горбатый мост над Мидтайном, поднырнула под эстакаду, попетляла по переулкам — и выскочила на Часовую площадь, с одной стороны подсвеченную голубоватыми, холодными фонарями, а с другой — тёплыми, рыжими. Аккуратно притормозив у закрытого кафе, Морган вышел из машины, открыл дверцу с пассажирской стороны и протянул руку Уилки, как раньше всегда поступал с дородными отцовскими гостями, которых приходилось развозить после благотворительных приёмов.

— Спасибо, — поблагодарил Уилки, так же невесомо, как и прежде, опираясь на протянутую руку, а потом внезапно крепче сжал пальцы, увлекая Моргана под розовато-оранжевый фонарь — единственный на этой стороне в чередё новеньких молочно-голубых плафонов. — Ну-ка, посмотри на меня, — попросил он с улыбкой, и Морган послушно запрокинул лицо. Уилки растерянно огладил его скулы костяшками пальцев. — Какой славный юноша вырос... — повторил он вполголоса и спросил громче: — Как твоё имя?

— Морган Майер.

Губы у него к тому времени уже онемели от мороза, и ответ прозвучал совсем невнятно. Однако Уилки это вполне устроило.

— Очень хорошо, Морган Майер. Думаю, мы ещё обязательно встретимся. Главное — выбрать правильное время, — загадочно произнёс он и вдруг тонко, поптичь, рассмеялся. — Ступай домой.

Уилки напоследок склонился к нему, то ли обнимая, то ли шаря в карманах, и отстранился.

Розовый фонарь мигнул и погас.

Морган деревянно развернулся, доковылял до своей «шерли», сел, тронулся, отъехал метров на триста — и лишь тогда осознал произошедшее и похолодел. Ночь раскололась надвое: по одну сторону оказалась скучная

поездка в Сейнт-Джеймс за документами, а по другую — необъяснимое помутнение рассудка. На трассе он остановился по своей воле, а потом его словно заморочили. Зачем он усадил явно сумасшедшего к себе в машину? Зачем полез доставать одеяло и угощать незнакомца контрабандным виски? Всё казалось таким естественным... Даже когда «Уилки» приказал ему помолчать, он воспринял это как должное. Довёз до площади, покорно высадил и...

...и теперь что?

Морган открыл окна и сделал два медленных круга вокруг своего квартала, не решаясь поехать прямо домой. Постепенно из машины выветрилось остаточное тепло, а с ним и призрачный запах алкоголя, и куда более реальное ощущение кошмара.

— А может, и не было ничего? Померещилось от недосыпа? — пробормотал Морган, механически щёлкая клавишами магнитолы. Хрипы, как назло, становились всё громче и противнее, словно радиоволна разбивалась о невидимый купол вокруг машины.

Нет, в самом же деле, не мог ведь он остановиться посреди ночи и подобрать на обочине незнакомца, особенно когда на заднем сиденье лежит дипломат с важными документами...

Тут Моргана второй раз за ночь бросило в холод, но уже по гораздо более прозаичной причине.

К счастью, дипломат остался на месте, и документы внутри — тоже. Стопки аккуратных листов — протоколы заседания Совета, выписки банковских счетов, распечатки городских планов... Луна пялилась на эти бумажки настырно, пробиваясь даже сквозь густое переплетение голых яблоневых ветвей, и Морган, как зачарованный, водил по строкам пальцем, не понимая ни слова. Когда часы на дальней площади пробили три пополуночи, он опомнился, завёл машину и быстро подъехал к дому. От холода мышцы сводило, руль выскользывал

из напряжённых пальцев, и «шерли» с отвратительным скрежетом зацепила створку ворот. С трудом загнав машину под навес, Морган подхватил дипломат и побежал к дому.

Отец всё ещё не спал. Он ждал в гостиной — недовольный маленький человечек с обвисшими брылами, как у спаниеля.

— Наконец-то, — с мягким укором выговорил он вместо приветствия. У Моргана тут же болезненно сжался желудок. — Найджел звонил мне ещё час назад. Почему так долго?

— Дороги обледенели. Видимо, из-за вчерашнего тумана, — ответил Морган и сам на себя разозлился из-за мерзких заискивающих ноток. — Вот документы, пап. А я спать пойду, с ног валюсь. Дорога была тяжёлая.

— Да, да, — отмахнулся отец, похлопывая ладонью по холодному дипломату. — Иди... Погоди, куртку хотя бы сними!

Но Морган уже шатаясь поднимался по лестнице.

В спальне он в первую очередь включил весь свет и вывернул на максимум батарею. А потом — надолго завис у зеркала, ощупывая собственную шею в поисках следов от чужих пальцев. Конечно, так ничего и не нашёл, зато осознал наконец, что по-прежнему стоит в куртке и ботинках. Торопливо разулся, а когда стал раздеваться, то обнаружил в кармане старинные бронзовые часы на цепочке. Стрелки замерли на четверти первого. Крышка изнутри была заполнена чем-то вроде зеленоватого янтаря, под слоем которого угадывалась размытая старинная фотография.

Морган закрыл часы, взвесил их на ладони и хотел было уже выбросить в окно, но вместо этого зачем-то положил на угол письменного стола и буквально рухнул на кровать — прямо в джинсах и свитере. Снилось в ту ночь нечто прекрасное и одновременно тревожное, как мельтешение рыхлых ночных мотыльков около за-